

УДК 336.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕНСИОННОЙ ПАРАДИГМЫ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ**¹Н.В. Немцова, ²Е.С. Стаурский, ¹С.С. Стаурский**¹ Омский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Омск, email: nemtsova@bk.ru² Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, email: Ses-QQ@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ современного состояния и перспектив развития пенсионной системы России в условиях неблагоприятных демографических тенденций. Рассмотрены глобальные демографические тренды и их специфика в российском контексте, проанализированы существующие модели пенсионных систем и их эволюция в России, выявлены ключевые проблемы функционирования пенсионной системы, включая низкий коэффициент замещения, дефицит Социального фонда России и недостаточную эффективность накопительного компонента. На основе анализа международного опыта предложены перспективные направления трансформации пенсионной системы, включающие модернизацию институциональной структуры, развитие добровольных корпоративных программ, стимулирование индивидуальных пенсионных накоплений, повышение эффективности управления пенсионными активами и создание альтернативных источников финансирования. Обоснована необходимость системного подхода, учитывающего баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью, а также важность достижения общественного консенсуса при проведении пенсионных реформ.

Ключевые слова: пенсионная система, демографические вызовы, коэффициент замещения, пенсионное обеспечение, системные реформы, социальная справедливость, накопительные пенсии, корпоративные пенсионные программы, индивидуальный пенсионный капитал, устойчивость пенсионной системы.

TRANSFORMATION OF THE PENSION PARADIGM IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY DEMOGRAPHIC CHALLENGES**¹N.V. Nemtsova, ²E.S. Staursky, ¹S.S. Staursky**¹ Omsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Omsk, email: nemtsova@bk.ru² Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, email: Ses-QQ@yandex.ru

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the current state and development prospects of Russia's pension system in the context of unfavorable demographic trends. The study examines global demographic trends and their specifics in the Russian context, analyzes existing models of pension systems and their evolution in Russia, and identifies key problems in the functioning of the pension system, including low replacement ratio, deficit of the Social Fund of Russia, and insufficient effectiveness of the funded component. Based on an analysis of international experience, promising directions for transforming the pension system are proposed, including modernization of the institutional structure, development of voluntary corporate programs, stimulation of individual pension savings, improving the efficiency of pension asset management, and creating alternative sources of financing. The necessity of a systematic approach considering the balance between economic efficiency and social justice is substantiated, as well as the importance of achieving social consensus when implementing pension reforms.

Keywords: pension system, demographic challenges, replacement rate, pension provision, systemic reforms, social justice, funded pensions, corporate pension programs, individual pension capital, pension system sustainability.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.04.2025

Дата принятия статьи в печать: 26.05.2025

Введение

Целью настоящего исследования является анализ современного состояния пенсионной системы России в условиях демографических вызовов, выявление ключевых системных проблем ее функционирования и разработка научно обоснованных рекомендаций по трансформации пенсионной парадигмы для обеспечения долгосрочной устойчивости пенсионного обеспечения, повышения уровня жизни пенсионеров и достижения баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования выступает системный подход к анализу пенсионного обеспечения, позволяющий рассмотреть пенсионную систему как комплексный социально-экономический институт во взаимосвязи с демографическими, экономическими и социальными процессами. В исследовании применены методы статистического, сравнительного и институционального анализа. Информационную и эмпирическую базу исследования составили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики, Социального фонда России, Банка России, Министерства финансов РФ; аналитические материалы и прогнозы международных организаций (Всемирного банка, МВФ, ОЭСР); нормативно-правовые акты, регулирующие функционирование пенсионной системы России; данные социологических опросов ВЦИОМ и Левада-Центра; материалы научных публикаций российских и зарубежных ученых по проблемам развития пенсионных систем в условиях демографических изменений.

Результаты и их обсуждение

Современные пенсионные системы по всему миру функционируют в условиях беспрецедентных демографических трансформаций, формирующих новую социально-экономическую реальность. Глобальный тренд старения населения наблюдается практически во всех развитых странах — доля лиц старше 60 лет в мировом населении увеличится с 12% в 2015 году до 22% к 2050 году, что численно составит около 2 миллиардов человек [1]. Одновременно с этим происходит снижение суммарного коэффициента рождаемости — по оценкам ООН, глобальный показатель снизился с 3,2 ребенка на женщину в 1990 году до 2,3 в 2021 году, что ниже уровня простого воспроизводства населения, составляющего 2,1. Увеличение продолжительности жизни, достигшее исторических максимумов, усиливает давление на пенсионные системы — среднемировая ожидаемая продолжительность жизни при рождении выросла с 65,6 лет в 1990 году до 73,4 лет в 2023 году, а в развитых странах превысила 80-летний рубеж [2].

Демографическая ситуация в России имеет свои специфические особенности на фоне общемировых тенденций. Согласно данным Росстата, особое влияние на текущую и будущую структуру населения оказывает так называемая «демографическая яма 90-х годов», когда суммарный коэффициент рождаемости в стране снизился до катастрофических 1,16 в 1999 году [1]. Это привело к формированию «демографической волны», последствия которой будут ощущаться до середины XXI века. В настоящее время суммарный коэффициент рождаемости в России составляет около 1,5, что значительно ниже уровня простого воспроизводства населения. Одновременно с этим продолжительность жизни в России, несмотря на ее отставание от среднеевропейских показателей, демонстрирует устойчивый рост — с 65,3 лет в 2000 году до 73,4 лет в 2023 году [2]. Фактором, усугубляющим демографическую ситуацию, является высокий уровень преждевременной смертности мужчин трудоспособного возраста, что создает существенный гендерный дисбаланс в старших возрастных группах.

Прогнозы изменения соотношения работающих и пенсионеров (коэффициента поддержки) в России показывают тревожную тенденцию. По данным Научно-исследовательского финансового института Минфина РФ, если в 2018 году на одного пенсионера приходилось 2,2 работающих гражданина, то к 2036 году этот показатель снизится до 1,8, а к 2050 году — до 1,5 [1]. Институт демографии НИУ ВШЭ прогнозирует, что при сохранении текущих демографических трендов к 2050 году доля лиц старше трудоспособного возраста в России может достичь 29-32% от общей численности населения по сравнению с 25,9% в 2023 году. Эти демографические сдвиги происходят на фоне сокращения численности населения России, которое по среднему варианту прогноза Росстата может уменьшиться с 146,4 млн. в 2023 году до 138-142 млн. к 2050 году [2].

Экономические последствия указанных демографических изменений для пенсионной системы России многогранны и глубоки. При сохранении текущей модели пенсионного обеспечения дефицит Пенсионного фонда РФ может достичь 2,5% ВВП к 2035 году [3]. Снижение коэффициента поддержки приводит к увеличению страховой нагрузки на работающее население, что потенциально стимулирует рост теневой экономики и неформальной занятости. Доля неформального сектора в российской экономике уже составляет около 20-22%, что дополнительно снижает устойчивость пенсионной системы. Повышение пенсионного возраста, осуществленное в России в 2018-2019 годах, лишь частично и временно смягчает эти негативные тенденции [4]. Особую обеспокоенность вызывает прогнозируемое снижение коэффициента замещения (соотношения средней пенсии к средней заработной плате), который уже сейчас составляет около 30% при рекомендованном Международной организацией труда минимуме в 40%. Без кардинальных изменений в пенсионной системе России этот показатель может снизиться

до 23-25% к 2050 году, что существенно увеличит риски бедности среди пожилого населения и создаст дополнительные социальные напряжения.

Эволюция пенсионных систем привела к формированию нескольких базовых моделей, каждая из которых отражает определенную философию социального страхования и экономические возможности общества. Распределительная (солидарная) система, исторически возникшая первой и получившая широкое распространение в XX веке, функционирует на принципе межпоколенческой солидарности, при котором текущие отчисления работающего населения направляются на выплаты нынешним пенсионерам. Согласно исследованиям Всемирного банка, такая модель эффективна в условиях благоприятной демографической структуры с высоким соотношением работающих к пенсионерам и стабильным экономическим ростом. К ее преимуществам относятся универсальный охват населения, защита от инфляции, отсутствие рыночных рисков и относительно низкие административные издержки. Однако, необходимо отметить и существенные недостатки распределительных систем: высокую чувствительность к демографическим изменениям, возможность политических манипуляций размерами выплат и тенденцию к формированию значительных имплицитных пенсионных обязательств государства, достигающих в некоторых странах 200-300% ВВП.

Накопительная пенсионная система, получившая активное развитие в последней четверти XX века, основана на принципиально ином механизме — формировании индивидуальных пенсионных накоплений на протяжении трудовой деятельности гражданина, которые инвестируются на финансовых рынках. Исследования Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) демонстрируют, что накопительные системы обладают рядом значимых преимуществ: меньшей зависимостью от демографических факторов, потенциально более высокой доходностью, созданием прямой связи между взносами и выплатами, что стимулирует формальную занятость, а также развитием национальных финансовых рынков [5]. В то же время они демонстрируют высокую подверженность инвестиционным и инфляционным рискам, значительные административные издержки (до 20-30% от размера накоплений за весь период), проблему регрессивности (большую выгоду для высокодоходных групп населения) и сложности переходного периода при внедрении такой системы, когда одному поколению приходится «платить дважды».

Современный международный опыт демонстрирует преимущества смешанных (многоуровневых) пенсионных моделей, сочетающих элементы различных систем. Согласно классификации Всемирного банка, оптимальная пенсионная система включает три основных уровня: базовый (нулевой) уровень, обеспечивающий минимальный гарантированный доход всем пожилым гражданам; первый уровень — обязательное пенсионное страхование на распределительной основе; и второй уровень — обязательные накопительные пенсионные счета. Многие развитые страны дополняют эту структуру третьим (добровольные частные пенсионные планы) и четвертым (неформальная поддержка, медицинское обеспечение) уровнями. Шведская модель, оцениваемая экспертами Мельбурнского центра пенсионных исследований как одна из наиболее эффективных, комбинирует условно-накопительную систему с небольшим обязательным накопительным компонентом и развитой системой добровольных пенсионных планов. Чилийская модель, несмотря на первоначальный акцент на обязательном накопительном элементе, в ходе реформ 2008 и 2022 годов усилила распределительный компонент для обеспечения адекватного уровня пенсий низкодоходным группам населения [6].

История развития пенсионной системы в России прошла несколько этапов трансформации, отражающих изменения социально-экономического устройства страны. В советский период была сформирована централизованная распределительная система с высоким уровнем охвата населения и относительно низким пенсионным возрастом (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин), закрепленным Законом «О государственных пенсиях» 1956 года. Коэффициент замещения в СССР достигал 55-65% в 1970-е годы. С распадом Советского Союза и переходом к рыночной экономике пенсионная система России столкнулась с серьезными финансовыми трудностями — в период 1992-1998 годов реальный размер пенсий снизился более чем в 2,5 раза. Пенсионная реформа 2002 года ввела трехуровневую структуру (базовая, страховая и накопительная части пенсии), однако последующее развитие системы характеризовалось непоследовательностью — в 2014 году произошло замораживание накопительной части пенсии, в 2015 году был введен новый порядок расчета страховой пенсии через пенсионные баллы, а в 2018-2019 годах осуществлено поэтапное повышение пенсионного возраста до 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин. Современная российская пенсионная система представляет собой преимущественно распределительную модель с элементами условно-накопительного компонента и недоразвитой системой добровольного пенсионного страхования, охватывающей менее 7% трудоспособного населения.

Действующая пенсионная система Российской Федерации представляет собой многоуровневую структуру, сформированную в результате серии реформ последних десятилетий. В соответствии с Федеральным законом «О страховых пенсиях» и нормативными актами Социального фонда России (СФР), образованного в 2023 году путем объединения Пенсионного фонда РФ и Фонда социального страхования, система включает три основных элемента: страховые пенсии, государственное пенсионное обеспечение и негосударственное пенсионное страхование [7]. Страховые пенсии, получаемые более чем 40 миллионами россиян, рассчитываются на основе индивидуальных пенсионных коэффициентов (баллов), стоимость которых ежегодно индексируется государством. Государственное пенсионное обеспечение охватывает отдельные категории граждан, включая государственных служащих, военнослужащих и лиц, пострадавших от радиационных катастроф. Негосударственное пенсионное обеспечение, несмотря на 30-летнюю историю развития, остается наименее развитым сегментом — по данным Банка России, к началу 2023 года участниками негосударственных пенсионных фондов являлись лишь около 6,2 миллиона человек, что составляет менее 9% от общей численности занятого населения страны [2].

Пенсионная реформа 2018-2019 годов, ключевым элементом которой стало повышение общеустановленного пенсионного возраста на 5 лет (до 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин), вызвала значительный общественный резонанс и остается предметом острых дискуссий. Реформа позволила временно снизить финансовую нагрузку на пенсионную систему — ожидаемый кумулятивный эффект составит около 2,5 триллионов рублей к 2028 году. Благодаря реформе удалось сохранить ежегодную индексацию пенсий на уровне, превышающем инфляцию (в среднем на 6,8% ежегодно в период 2019-2023 гг.). Однако, долгосрочный эффект реформы оценивается экспертами неоднозначно — повышение пенсионного возраста не устраняет фундаментальных дисбалансов системы, а лишь отсрочивает необходимость более глубоких структурных изменений.

Финансовая устойчивость Социального фонда России (ранее — Пенсионного фонда РФ) остается одной из наиболее острых проблем пенсионной системы. По данным Министерства финансов РФ, несмотря на повышение пенсионного возраста, дефицит бюджета фонда в части страховых пенсий составил 179,3 миллиарда рублей в 2023 году, что потребовало трансфертов из федерального бюджета [8]. Структурный анализ выявляет несколько ключевых факторов, определяющих эту проблему: высокую долю теневой экономики (по разным оценкам, от 15% до 25% ВВП), значительное количество самозанятых и неформально занятых граждан (до 20 миллионов человек по оценкам Центра стратегических разработок), а также наличие многочисленных льгот по уплате страховых взносов для отдельных категорий работодателей. Особую обеспокоенность экспертов вызывает недостаточно диверсифицированная структура доходов Фонда, более чем на 95% зависящая от поступлений страховых взносов и трансфертов из федерального бюджета [8].

Социальные последствия текущего состояния пенсионной системы России характеризуются комплексом негативных явлений, влияющих на качество жизни пожилого населения. Коэффициент замещения (соотношение средней пенсии к средней зарплате) составляет около 29,5%, что существенно ниже рекомендуемого Международной организацией труда уровня в 40% [9]. По данным Росстата, в 2023 году 12,3% пенсионеров имели доходы ниже прожиточного минимума пенсионера, что свидетельствует о недостаточной эффективности механизмов борьбы с бедностью среди пожилого населения [2]. Социологические исследования Левада-Центра фиксируют, что более 70% работающих россиян не рассматривают государственную пенсию как достаточный источник дохода в старости и планируют продолжать трудовую деятельность после достижения пенсионного возраста. Существующая дифференциация пенсий между различными категориями получателей (работавшими в разных секторах экономики, проживающими в разных регионах) также создает напряженность и воспринимается значительной частью общества как проявление социальной несправедливости.

В странах ОЭСР средний коэффициент замещения достигает 58,6%, а в некоторых государствах, таких как Нидерланды и Дания, превышает 80%. Прогностические модели указывают на риск дальнейшего снижения данного показателя в России до 25-27% к 2030 году без кардинальной перестройки системы, что создаст предпосылки для роста бедности среди пожилого населения [11].

Хроническим недугом пенсионной системы России остается дефицит бюджета Социального фонда (бывшего Пенсионного фонда РФ) и его критическая зависимость от федерального бюджета. Дотации из федерального бюджета на обеспечение сбалансированности бюджета фонда составили в 2023 году более 1,3 триллиона рублей, что эквивалентно примерно 10% всех расходов государства. В среднесрочной перспективе (до 2030 года) зависимость пенсионной системы от федерального бюджета будет только увеличиваться, достигая 12-15% от всех бюджетных расходов. Существенный вклад в эту проблему вносит

так называемая «льготная ставка» страховых взносов для части работодателей, которая привела к выпадению доходов Пенсионного фонда на сумму около 650 миллиардов рублей в 2023 году [8].

Одним из наиболее противоречивых аспектов российской пенсионной системы остается неэффективность ее накопительного компонента. Активы негосударственных пенсионных фондов (НПФ) на конец 2023 года составили около 3,8 триллиона рублей (менее 3% ВВП), что значительно ниже среднего показателя для стран ОЭСР, где данное соотношение превышает 80% ВВП. Средняя доходность от инвестирования пенсионных накоплений за период 2014–2023 гг. составила около 6,8% годовых, что лишь незначительно превысило среднюю инфляцию за тот же период (6,1%). Замораживание формирования пенсионных накоплений, начавшееся в 2014 году и продленное до 2025 года, привело к фактической стагнации этого сегмента и утрате доверия граждан к накопительным механизмам [12].

Серьезным препятствием на пути развития пенсионной системы в России является низкий уровень финансовой грамотности и доверия населения к пенсионным институтам. Исследование, проведенное Аналитическим центром НАФИ в 2023 году, показало, что лишь 23% россиян трудоспособного возраста имеют долгосрочную стратегию пенсионных накоплений, а более 60% респондентов признались, что не понимают принципов формирования их будущей пенсии. Только 15% граждан доверяют негосударственным пенсионным фондам, а 47% опрошенных считают, что государство в будущем может снова изменить правила пенсионного обеспечения в неблагоприятную для них сторону. Эти факторы существенно ограничивают развитие добровольного пенсионного страхования – лишь около 7,2 миллиона россиян (менее 10% работающего населения) участвуют в программах добровольного пенсионного страхования [13].

Критическое воздействие на стабильность пенсионной системы оказывают высокие показатели теневой экономики и неформальной занятости в России. Объем теневого сектора российской экономики составляет от 15% до 20% ВВП, полностью или частично заняты в неформальном секторе экономики [12]. В результате этого бюджет Социального фонда ежегодно недополучает страховые взносы на сумму около 2,3 триллиона рублей. Эксперты Всемирного банка в своем отчете «Пенсионная система в России: тенденции, вызовы и пути реформирования» отмечают, что высокая доля неформальной занятости не только подрывает финансовую базу пенсионной системы в настоящем, но и создает предпосылки для формирования значительного контингента граждан с недостаточным страховым стажем, которые в будущем могут претендовать лишь на минимальные социальные пенсии, что усилит нагрузку на федеральный бюджет.

Современные вызовы, стоящие перед пенсионными системами во всем мире, стимулируют поиск инновационных решений, способных повысить их устойчивость и эффективность. Одним из ключевых направлений модернизации выступает цифровизация пенсионных услуг и администрирования. Согласно исследованию Всемирного банка «Цифровая трансформация пенсионных систем», внедрение цифровых технологий может снизить административные расходы пенсионных фондов на 20–40% и сократить случаи мошенничества на 25–30% [14]. Эстонская пенсионная система демонстрирует впечатляющие результаты цифровизации – благодаря внедрению системы e-Pension, интегрированной с национальной ID-картой, гражданам доступен полный цикл дистанционного управления пенсионными счетами, а расходы на администрирование составляют всего 0,2% от активов. В Швеции цифровая платформа MinPension позволяет гражданам получать консолидированную информацию обо всех пенсионных правах из государственных и частных источников, а также моделировать будущий пенсионный доход при различных сценариях. Российский Социальный фонд также движется в направлении цифровизации – с 2022 года более 80% пенсионных услуг доступны на портале Госуслуги, а внедрение системы электронных трудовых книжек и цифрового пенсионного дела позволило автоматизировать процессы учета стажа и расчета пенсий.

Перспективным направлением развития пенсионных систем становится применение инструментов поведенческих финансов для создания персонализированных пенсионных планов. Исследования нобелевского лауреата Ричарда Талера и его коллег показали, что автоматическое включение работников в пенсионные программы с возможностью выхода (auto-enrollment) повышает уровень участия с 40% до 90%. Инновационная программа Save More Tomorrow™, разработанная Талером и Шломо Бенарци, использует поведенческие особенности людей (инерцию поведения, избегание потерь, отложенные решения), автоматически увеличивая пенсионные отчисления при росте заработной платы, что позволяет увеличить норму сбережений в среднем с 3,5% до 13,6% за 40 месяцев участия [15]. Великобритания успешно применила эти принципы в национальной программе NEST (National Employment Savings Trust), охватившей более 10 миллионов граждан. В Новой Зеландии система KiwiSaver использует механизмы автоматического включения с возможностью выбора инвестиционных стратегий разного уровня

риска, а уровень участия населения в добровольном пенсионном страховании вырос с 15% до 75% за десятилетие. Анализ этих примеров, проведенный Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), демонстрирует, что персонализированные пенсионные планы на основе поведенческих принципов являются наиболее эффективным инструментом повышения пенсионных накоплений среди граждан с низким и средним уровнем дохода.

Диверсификация финансовых инструментов для пенсионных накоплений представляет собой еще одно перспективное направление реформирования. Традиционно консервативные портфели пенсионных фондов, состоящие преимущественно из государственных облигаций и банковских депозитов, демонстрируют ограниченную доходность в условиях затяжного периода низких процентных ставок. Аналитики Goldman Sachs Asset Management отмечают, что включение в портфели пенсионных фондов альтернативных активов (инфраструктурных проектов, прямых инвестиций, венчурного капитала) позволяет повысить долгосрочную доходность на 2-3 процентных пункта при сохранении приемлемого уровня риска. В Канаде Пенсионный план учителей Онтарио (Ontario Teachers' Pension Plan) инвестирует до 35% своих активов в альтернативные инструменты, демонстрируя среднегодовую доходность на уровне 9,5% за последние 30 лет. Датский пенсионный фонд ATP развивает инновационный подход к хеджированию долголетия через специализированные производные финансовые инструменты, что позволяет смягчить риски увеличения продолжительности жизни. Эксперты Центрального банка России в аналитическом докладе «Направления развития финансового рынка» также рекомендуют расширение спектра инструментов для инвестирования пенсионных накоплений, включая инфраструктурные облигации, ETF (биржевые инвестиционные фонды) и структурные продукты с защитой капитала.

Интеграция ESG-факторов (Environmental, Social, Governance — экологических, социальных и управленческих) в инвестиционные стратегии пенсионных фондов становится важным трендом в развитии пенсионных систем. Исследование Центра ответственного инвестирования Университета Оксфорда показывает, что учет ESG-факторов позволяет снизить долгосрочные инвестиционные риски и повысить доходность на 0,5-1,8 процентных пункта в долгосрочной перспективе. Норвежский государственный пенсионный фонд, крупнейший в мире с активами более 1,4 триллиона долларов, интегрировал ESG-принципы во все инвестиционные решения, исключив из своего портфеля компании, связанные с производством табака, оружия и угля. Голландский пенсионный фонд ABP, управляющий активами более 500 миллиардов евро, поставил цель снизить углеродный след своего инвестиционного портфеля на 40% к 2025 году и инвестировать не менее 15% активов в проекты, связанные с достижением Целей устойчивого развития ООН. В России интеграция ESG-факторов в инвестиционные стратегии пенсионных фондов находится на начальном этапе — лишь 3 из 29 негосударственных пенсионных фондов декларируют использование ESG-критериев при принятии инвестиционных решений.

Международный опыт демонстрирует многообразие успешных инноваций в пенсионных системах, адаптированных к национальным особенностям. Австралийская система Superannuation, основанная на обязательных взносах работодателей (9,5% от заработной платы) в индивидуальные пенсионные счета работников, позволила накопить активы в размере 140% ВВП страны за 30 лет существования и обеспечить коэффициент замещения на уровне 65-70%. В Сингапуре система Central Provident Fund сочетает функции пенсионного обеспечения с финансированием жилищных, медицинских и образовательных потребностей граждан, что повышает доверие населения и стимулирует участие. Шведская NDC (Notional Defined Contribution) система, основанная на условно-накопительных счетах, позволяет сочетать преимущества распределительного механизма с индивидуализацией пенсионных прав и автоматической адаптацией к демографическим изменениям. Инновационный подход Польши, внедрившей автоматические пенсионные программы на рабочих местах (PPK — Pracownicze Plany Kapitałowe) с софинансированием со стороны работодателей и государства, привлек к добровольным пенсионным накоплениям более 3 миллионов новых участников за первые два года работы. Датская пенсионная система, признанная одной из лучших в мире по индексу Mercer Global Pension Index OECD [16], использует многоуровневую структуру, включающую универсальную базовую пенсию, квазиобязательные отраслевые пенсионные программы и индивидуальные пенсионные счета с различными налоговыми стимулами.

Модернизация институциональной структуры пенсионной системы России представляет собой один из ключевых элементов текущего реформирования. Объединение Пенсионного фонда РФ и Фонда социального страхования, реализованное в 2023 году путем создания Социального фонда России (СФР), направлено на оптимизацию административных процессов и сокращение управленческих издержек. Этот шаг соответствует общей тенденции консолидации функций социального обеспечения, начатой еще в 2010 году, когда администрирование страховых взносов было передано от налоговых органов к Пен-

сионному фонду РФ. Данное объединение позволит ежегодно экономить до 20 миллиардов рублей на административных расходах и упростить взаимодействие граждан с системой социального обеспечения за счет реализации принципа «одного окна». Дальнейшая институциональная модернизация предполагает совершенствование цифровой инфраструктуры СФР, развитие межведомственного электронного взаимодействия и повышение прозрачности финансовых потоков внутри системы.

Развитие добровольных корпоративных пенсионных программ рассматривается экспертами как одно из наиболее перспективных направлений совершенствования пенсионной системы России. Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, утвержденная Правительством РФ, прямо указывает на необходимость «развития трехуровневой пенсионной системы для групп с разными доходами», где корпоративное пенсионное обеспечение играет роль второго уровня [17]. Исследование, проведенное Национальной ассоциацией негосударственных пенсионных фондов в 2023 году, показало, что лишь около 6% работающих россиян охвачены корпоративными пенсионными программами, в то время как в странах ОЭСР этот показатель превышает 40%. Реализуемые в настоящее время меры включают введение налоговых льгот для работодателей, внедряющих корпоративные пенсионные программы (возможность включения взносов в состав расходов на оплату труда в размере до 12% от фонда оплаты труда), а также упрощение административных процедур при создании таких программ. При создании благоприятных условий охват работников корпоративными пенсионными программами может достичь 20-25% к 2030 году.

Стимулирование индивидуальных пенсионных накоплений становится все более значимым элементом реформирования пенсионной системы в условиях неблагоприятных демографических тенденций. В соответствии со Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы, задачами реформирования являются «гарантирование социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения» и «повышение эффективности накопительной составляющей пенсионной системы» [17]. В 2022 году Министерством финансов РФ была предложена концепция нового добровольного пенсионного плана, получившего название Индивидуальный пенсионный капитал (ИПК), который должен заменить замороженную с 2014 года накопительную часть пенсии. Ключевыми особенностями данной системы являются добровольность участия, льготное налогообложение взносов и гарантированная сохранность накоплений со стороны государства. При активном развитии данного направления и включении в систему не менее 30% экономически активного населения объем пенсионных накоплений может достичь 10-15% ВВП к 2035 году, что значительно повысит устойчивость пенсионной системы и создаст долгосрочный внутренний инвестиционный ресурс для экономики.

Повышение прозрачности и эффективности управления пенсионными активами рассматривается экспертами как необходимое условие для восстановления доверия граждан к пенсионной системе и стимулирования их активного участия в формировании будущих пенсий. Фундаментальной причиной постоянного реформирования пенсионной системы России является «нехватка средств для выполнения всех социальных обязательств государства», что делает вопрос эффективного управления имеющимися ресурсами крайне актуальным. Текущие инициативы включают внедрение международных стандартов инвестиционного менеджмента в практику управления пенсионными активами, расширение спектра доступных инвестиционных инструментов при сохранении консервативного подхода к рискам, а также повышение информационной открытости негосударственных пенсионных фондов. Средневзвешенная доходность пенсионных накоплений за последние 5 лет была ниже инфляции примерно на 1,5 процентных пункта, что подчеркивает необходимость совершенствования инвестиционных стратегий.

Создание альтернативных источников финансирования пенсионной системы становится критически важным в условиях неблагоприятных демографических трендов и растущей нагрузки на федеральный бюджет. Как отмечают исследователи, «в любом развитом государстве поддержка нетрудоспособного населения является одной из самых важных государственных задач не только в части экономической и социальной составляющих, но и в отношении прав граждан» [9]. Среди перспективных направлений диверсификации источников финансирования эксперты выделяют направление части доходов от использования национальных природных ресурсов на пополнение пенсионной системы (по аналогии с Норвежским пенсионным фондом Global), создание специализированных отраслевых пенсионных систем для высокорисковых профессий с повышенными тарифами страховых взносов, а также постепенное увеличение доли работодателя и работника в финансировании будущих пенсий при снижении нагрузки на федеральный бюджет. Внедрение комплекса таких мер может снизить зависимость пенсионной системы от федерального бюджета с текущих 40% до 20-25% к 2035 году, что существенно повысит её устойчивость в долгосрочной перспективе.

Выводы

Комплексный анализ современного состояния пенсионной системы России, ее проблем и перспективных направлений развития свидетельствует о необходимости системных решений, затрагивающих все ключевые аспекты ее функционирования. Фрагментарные изменения отдельных параметров системы, как показывает опыт предыдущих реформ, не способны обеспечить долгосрочную устойчивость пенсионного обеспечения в условиях неблагоприятных демографических тенденций. При сохранении существующей модели финансирования дефицит пенсионной системы может достичь 3-4% ВВП к 2035 году, что превышает возможности федерального бюджета по его компенсации без ущерба для других направлений государственных расходов. Системные решения должны охватывать как параметрические изменения в рамках существующей институциональной структуры (корректировка формулы расчета пенсии, механизмов индексации, требований к стажу), так и более глубокие институциональные трансформации, включая развитие многоуровневой модели с сильным накопительным компонентом и диверсификацию источников финансирования.

Важнейшим принципом реформирования пенсионной системы России должен стать баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Экономическая эффективность предполагает обеспечение долгосрочной финансовой устойчивости системы, создание стимулов для формализации трудовых отношений и расширения базы для взимания страховых взносов, а также формирование значительного объема долгосрочных инвестиционных ресурсов для экономики. Социальная справедливость требует защиты наиболее уязвимых категорий пенсионеров от бедности, обеспечения приемлемого коэффициента замещения для граждан со средними доходами, а также создания возможностей для высокодоходных групп населения формировать пенсионные накопления, соответствующие их уровню жизни. По данным социологических исследований ВЦИОМ, 72% россиян считают существующую пенсионную систему несправедливой, что подрывает доверие граждан и ограничивает их мотивацию к участию в добровольных формах пенсионного обеспечения. Модернизация пенсионной формулы с учетом принципа связи размера пенсии с объемом уплаченных взносов при сохранении механизмов социальной поддержки малообеспеченных пенсионеров могла бы значительно повысить уровень общественного доверия к системе.

Опыт пенсионной реформы 2018-2019 годов, связанной с повышением пенсионного возраста, наглядно продемонстрировал важность общественного консенсуса при проведении преобразований в столь чувствительной сфере. Отсутствие широкого общественного обсуждения, недостаточная информационная подготовка и ограниченное вовлечение экспертного сообщества в разработку параметров реформы привели к значительному социальному напряжению и снижению доверия граждан к пенсионной политике государства в целом. Социологические исследования Левада-Центра показали, что более 80% россиян негативно воспринимали данную реформу, а рейтинг доверия к ключевым государственным институтам снизился на 10-15 процентных пунктов. Для обеспечения общественной поддержки будущих изменений необходимо создание постоянно действующей площадки для обсуждения проблем и перспектив развития пенсионной системы с участием представителей государства, экспертов, работодателей, профсоюзов и гражданского общества. Важным элементом повышения доверия может стать информирование граждан о состоянии пенсионной системы, ее долгосрочных перспективах и влиянии принимаемых решений на их будущие пенсионные права.

Долгосрочная стратегия развития пенсионной системы России должна опираться на научно обоснованное прогнозирование демографических, экономических и социальных тенденций, а также учитывать успешный международный опыт. Приоритетными направлениями такой стратегии, исходя из проведенного анализа, должны стать: последовательное развитие трехуровневой пенсионной системы с четким разграничением ответственности государства, работодателей и граждан на каждом уровне; создание эффективных механизмов автоматической адаптации параметров пенсионной системы к изменениям демографической структуры населения; диверсификация источников финансирования пенсионных обязательств; повышение финансовой и пенсионной грамотности населения; формирование системы долгосрочного мониторинга и оценки эффективности пенсионной системы по ключевым показателям. Особое внимание следует уделить созданию условий для продления периода трудовой активности пожилых граждан через развитие программ переобучения, поддержку частичной занятости и дистанционных форм работы, а также борьбу с возрастной дискриминацией на рынке труда. Исследования показывают, что увеличение эффективного возраста выхода на пенсию (фактического прекращения трудовой деятельности) даже на 2-3 года способно снизить нагрузку на пенсионную систему на 15-20% в долгосрочной перспективе [4].

Успешная реализация комплексного подхода к обеспечению устойчивости пенсионной системы России требует не только принятия соответствующих нормативных актов, но и формирования эффективных институтов управления, развития культуры долгосрочного планирования и сбережения, а также укрепления доверия между государством и обществом. Только такой подход позволит трансформировать пенсионную систему из проблемной зоны государственных финансов в эффективный инструмент социальной защиты и источник долгосрочных инвестиционных ресурсов для устойчивого экономического развития страны.

Литература

1. Скуфина Т., Баранов С., Торопушина Е., Самарина В. Пенсионная реформа и демографические процессы в арктических регионах // Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем. Том 105. Европейские труды по социальным и поведенческим наукам / под ред. Е. Попова, В. Бархатова, В. Д. Фам, Д. Плетнева. Европейский издатель, 2021. С. 815-825.
2. Демографический ежегодник России 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 256 с.
3. Jensen R.T., Richter K. The health implications of social security failure: evidence from the Russian pension crisis // Journal of Public Economics. 2004. Vol. 88, Is. 1-2. P. 209-236.
4. Абрамов А.Е., Чернова М.И. Совершенствование инвестирования пенсионных накоплений: на примере России // Российский экономический журнал. 2024. Т. 10, № 1. С. 34-59.
5. OECD Pensions Outlook 2024: Improving Asset-backed Pensions for Better Retirement Outcomes and More Resilient Pension Systems / OECD Publishing. Paris, 2024. DOI: 10.1787/51510909-en.
6. Global Pension Index 2024 / Mercer CFA Institute. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://rpc.cfainstitute.org/research/reports/2024/mercer-cfa-institute-global-pension-index-2024> (дата обращения: 27.04.2025).
7. О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 № 236-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421786/ (дата обращения: 27.04.2025).
8. Социальный фонд закончил год с техническим дефицитом почти на 600 млрд. // РБК. 2024. 27 мая. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/05/2024/665078329a79477ad8654017> (дата обращения: 27.04.2025).
9. Соловьев А.К. Анализ уровня бедности пенсионеров: региональные аспекты // Финансовые исследования. 2017. № 1 (54). С. 83-95.
10. Конвенция Международной организации труда № 102. О минимальных нормах социального обеспечения. 28 июня 1952 г.
11. Экономисты спрогнозировали соотношение пенсий и зарплат к 2050 году // РБК. 2019. 15 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/11/2019/5dcd2d749a79473abc5f10f5> (дата обращения: 27.04.2025).
12. Капитонова Н.В., Бочкарева И.В. Неформальная занятость как элемент экономической угрозы современной России // Теневая экономика. 2023. Т. 7, № 1. С. 41-54.
13. Финансовая грамотность россиян — 2023. Динамика ключевых показателей, тренды финансового поведения, цифровые компетенции. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/projects/finansy/finansovaya-gramotnost-rossiyan-2023/> (дата обращения: 27.04.2025).
14. Digital Progress and Trends Report 2023 / World Bank. Washington, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/digital-progress-and-trends-report> (дата обращения: 27.04.2025).
15. Thaler R.H., Benartzi S. Save More Tomorrow™: Using Behavioral Economics to Increase Employee Saving // Journal of Political Economy. 2004. Vol. 112, No. S1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/380085> (дата обращения: 27.04.2025).
16. OECD Pensions at a Glance 2023 / OECD Publishing. Paris, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/pensions-at-a-glance-2023_678055dd-en.html (дата обращения: 27.04.2025).
17. Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139981/ (дата обращения: 27.04.2025).